

ГЛАВА 1

*Казахская ССР, Государственный научно-исследовательский испытательный полигон № 10
Министерства обороны СССР, 9 июня 1970 года*

Земли Казахстана по праву считаются уникальными в своем роде. Само происхождение наименования «Казахстан» включает в свое название элемент «стан», что в переводе означает «земля, место, область». Самый привередливый путешественник не сможет назвать казахские земли скудными на чудеса: равнины, степи, тайга, каньоны, холмы, дельты рек, заснеженные горы и пустыни — выбирай что душе угодно.

Кенгей-Алатау покажет величественные горные пики. Две гряды протянулись с запада на восток от Алматы до Иссык-Куля. Гостей Казахстана привлекают неприступные горные ледники, красивые горные реки, очаровательные долины. Чарынский каньон, древнейший и красивейший из всего, что можно увидеть, выставляет напоказ причудливые формы ландшафта, кото-

рые принимает ярко-красный песчаник под воздействием ветра и воды. Катон-Карагай может похвастаться национальным природным парком и заповедником.

Озеро Балхаш второе по величине непересыхающее соленое озеро после Каспийского. Красивое озеро, величественное и загадочное. Озеро разделено полуостровом на две равные части, только вот вода в них разная. В западной части пресная, а в восточной — соленая. Для такой загадки предки обязательно должны были придумать легенду. И придумали. И звучит она так.

Когда-то у богатого чародея Балхаша была красавица-дочь. Звали девушку Или. Пришло время выдавать дочь замуж, и Балхаш объявил, что отдаст ее только за самого богатого, красивого и сильного. И испытания, как водится, придумал. Свататься к Или приехали два сына китайского императора, которые привели два каравана, груженные дорогими товарами; сыновья монгольского хана; молодые бухарские купцы и скромный бедняк-пастух. Разумеется, все испытания пастух прошел с легкостью, победив и бухарцев, и сыновей императора, но не захотел Балхаш отдать свою дочь за пастуха, выгнал его взащей. А дочь взбунтовалась и сбежала с пастухом. Только вот отец-то ее не просто так чародеем считался. Взял, да и превратил возлюбленных в две горные реки, а чтобы воды этих рек никог-

да не соединились, Балхаш упал между ними и стал седым от пенных волн озера. Так и текут воды вдоль полуострова: соленые — слезы дочери, пресные — тоска пастуха.

И лишь степям Бетпак-Дала, расположенным к северо-западу от озера Балхаш, похвастаться особо было нечем. Скучный мелкосопочник, унылая пустыня с бурыми почвами, надоевший саксаул. Чем тут похвастаешься, что противопоставишь красотам горной гряды или красивой легенде о великой любви? Противопоставить нечего. Вернее, так было раньше, до того, как советские ученые решили, что степи Казахстана как нельзя лучше подходят для осуществления глобальных задач.

После окончания Великой Отечественной войны правительству страны стало ясно, что без должной защиты по всем направлениям военного искусства столица СССР всегда будет уязвима для нападения извне. Такое положение вещей не могло устроить действующую власть, и перед Министерством обороны была поставлена задача разработать систему противоракетной защиты Москвы, да такую, о которой другие страны даже не мечтали. И лучшие умы страны начали работу над решением поставленной задачи. Конечно, не все шло гладко, были взлеты и падения, удачи и разочарования, но спустя десять лет после победы над фашистскими захватчи-

ками ученые разработали уникальную систему противоракетной обороны, получившую скромное рабочее название «Экспериментальная система ПРО «А».

Для проведения испытаний экспериментальной системы ПРО «А» в пустыне Бетпак-Дала Казахской ССР с 1956 года шло строительство Государственного научно-исследовательского испытательного полигона (ГНИИП) ПВО № 10. Полигон был отдан в подчинение 4-му Главному управлению МО СССР. Восьмого апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о создании боевой системы ПРО («А-35») для обороны объектов Москвы от одиночных моноблочных ракет США типа «Титан-2» и «Минитмен-2».

Немногим позже, летом 1961 года, на сессии Организации Объединенных Наций первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев известил мировую общественность о том, что в СССР создано оружие, которым, по его выражению, можно попасть «в муху в космосе». Возможно, на тот момент заявление звучало преждевременным и больше походило на хвастовство, но лишь на тот момент.

Уже в июне 1962 года Государственная комиссия рассмотрела эскизный проект данной системы, и вскоре состоялась его защита. Созданная на полигоне система «А» экспериментально подтвердила принципиальную возмож-

ность осуществления перехвата баллистических целей; впервые в истории была показана возможность точно рассчитанной встречи «снаряда со снарядом». Да, работы еще предстояло немало, доводить до ума систему планировали не один год, но это был настоящий прорыв СССР в противоракетной обороне.

За четырнадцать лет существования полигона в пустыне Бетпак-Дала построили линии связи и электропередачи, железнодорожные и шоссейные дороги, более тридцати строительных площадок вместили в себя шестьсот сорок три постоянных зданий и сооружений для нужд полигона. В июне 1957 г. была создана специальная радиолокационная станция РЭ-1 для исследования радиолокационных характеристик баллистических ракет в различных условиях полета, а в 1958-м — более мощная РЭ-2. В октябре 1957 г. был проведен пуск противоракеты экспериментальной системы ПРО и начато развертывание ее средств. Указом президиума Верховного Совета СССР в 1966 году за успешное выполнение заданий по разработке, созданию и освоению новой военной техники полигон награжден орденом Ленина, и в том же 1966-м соединению вручено боевое знамя части.

Полигон сотрудничал с 37 министерствами и ведомствами, с более чем 400 предприятиями, организациями промышленности, кон-

структорскими бюро. На полигоне постоянно работало свыше 70 экспедиций различных министерств и ведомств. Ежегодно на полигон приезжали более 16 тысяч представителей промышленности.

Шесть противоракетных комплексов; двенадцать зенитно-ракетных комплексов; семь типов противоракет; двенадцать типов зенитных управляемых ракет; четырнадцать типов измерительной техники; испытания пятнадцати ракетных комплексов стратегического назначения и их модификаций; восемнадцать радиолокационных комплексов и несколько систем на новых физических принципах — это далеко не полный список стратегических задач, которые успешно решались на полигоне.

Все это стало возможным благодаря участию в проекте видных представителей советской науки. Академики Грушин, Минц, Лебедев, Расплетин, Лавочкин и многие другие светлые умы разрабатывали новые системы ПРО, координировали исследовательские и испытательные работы. Несмотря на то что полигоном, как военным объектом, командовал генерал-майор артиллерии Марков, генеральным конструктором и истинным вдохновителем всех проектов являлся профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Кисунько Григорий Васильевич. Под его началом трудились как военные,

так и штатские ученые, профессора, кандидаты и доктора технических наук, прошедшие тщательный отбор по всем направлениям и имевшие безупречную репутацию.

Девятого июня 1970 года на полигоне кипела работа. Профессор Кисунько был вызван в Министерство обороны, к начальнику 4-го Главного управления МО СССР для доклада о текущем положении дел, и каждый из сотрудников полигона знал, что от успешности этого доклада зависит, как скоро им позволят провести комплексные государственные испытания системы ПРО, над которой они работали без малого четырнадцать лет. Все, от младшего офицерского состава до маститого ученого, пребывали в возбужденном состоянии, которое даже не пытались скрывать.

— Геша! Где ты пропадаешь, лихорадка тебя возьми! Лабораторию откроют через десять минут, товарищ полковник госбезопасности уже на территории полигона, а тебя с собаками искать приходится!

Младший научный сотрудник, помощник заместителя руководителя отдела систематизации информации Иван Павлинов ворвался в комнату отдыха шестнадцатого инженерного комплекса и с возмущением накинулся на мужчину средних лет, развалившегося в кресле. Тот, кого называли Гешей, недовольно поморщился, но из кресла выбрался.

— Чего кричишь, Иван? Человеку и пять минут отдохнуть нельзя? Знаешь ведь, что я всю ночь систематизацией занимался, — ворчливо произнес он.

— Чего кричишь?! Чего кричи-и-ишь?! — Павлинов чуть не захлебнулся от возмущения. — Геша, ты вообще в курсе, что происходит? Товарищу Кисунько выезжать через три часа, а у тебя еще ничего не готово! Может, тебе наплевать, как пройдет доклад, но лично я в случае провала крайним оставаться не хочу.

— Тебя никто и не просит. — Геша потянулся за ботинками, которые до этого снял, пытается дать ногам отдых. — Подготовить пленки поручено мне, а не тебе.

— А проконтролировать и передать их товарищу Кисунько должен я, — возмутился Павлинов. — Давай, шевели поршнями, Геша. Иначе доложу о твоём поведении кому следует.

— Не пугай, Иван, пуганые. Сам знаешь, кроме меня, с этой работой никто не справится.

— Сейчас не справится, — фыркнул Павлинов. — Эта ситуация временная, Геша. Через месяц придет замена Соколову, которого отправили в госпиталь, и Власенко вернется с Украины. Слышал, его матери стало лучше. Так что не зазнавайся, скоро ты снова отойдешь на второй план. Имей в виду, не появишься в лабора-

тории через пять минут — отправлю доклад самому Кисунько!

Павлинов резко развернулся и вышел из комнаты отдыха. Втиснув ноги в тесную обувь, Геша вышел следом. Всю дорогу до лабораторного комплекса он почти бежал. В его душе бушевал гнев. «Десять лет учебы, тридцать лет исследовательской работы, четырнадцать из них на проклятом полигоне, работа по двадцать часов в сутки, без выходных и праздников. А в итоге что? Ни семьи, ни детей, зарплата мизерная, уважения ноль! Кто получит награды за выдающиеся заслуги перед Родиной? Кисунько и ему подобные! Кому дадут премию? Тоже им. А мне лишь выговор с занесением в личное дело за то, что лишних пять минут посидел в кресле, за то, что не свалился с инфарктом, как Соколов! Где справедливость? Когда это изменится? Будь все проклято! Будь все проклято!»

К месту назначения Геша в отведенный Павлиновым срок едва успел. У дверей лаборатории, вход в которую допускался лишь с личного разрешения генерал-майора Маркова, его уже ждал сотрудник КГБ.

— Опаздываете, — взглянув на часы, проворчал он.

— Простите, часы отстают. — Фраза прозвучала глупо, отчего настроение Геши испортилось окончательно.

— Так смените часы, — назидательно произнес кэзгэбэшник. — Служить на оборонном предприятии и не следить за временем — непροститительная оплошность.

Отвечать Геша не стал, дождался, когда дежурный по этажу отомкнет три замка, и молча вошел в помещение. Прежде чем приступить к работе, Геша произвел все подобающие записи в куче журналов, сотрудник КГБ проверил помещение на предмет несанкционированного проникновения и только после этого позволил Геше начать работу с микропленками. Работал Геша на автомате: запускал необходимые процессы, загружал нужную информацию, фильтровал материал, вставлял в него схемы и чертежи, и все это время сотрудник КГБ маячил за спиной. Геша понимал, что такова специфика работы, но сегодня его это бесило как никогда.

Примерно через час после начала работы в комнату заглянул дежурный.

— Товарищ капитан государственной безопасности, вас срочно приглашают к телефону, — извиняющимся тоном произнес он.

— Что за ерунда! Вы знаете правила, — возмутился капитан. — Никаких внешних мероприятий во время работы лаборатории.

— Я знаю, товарищ капитан государственной безопасности, — голос дежурного зазвучал

еще более виновато. — Но звонят из Москвы. Сказали — срочно.

— Сколько тебе осталось? — вопрос капитана был обращен к Геше.

— Не могу сказать точно, но не меньше часа, — подумав, ответил Геша.

— Придется прерваться, — заявил капитан. — Останавливай процессы, продолжишь позже.

— Я не могу прервать процесс, иначе придется начинать все сначала, и тогда профессор Кисунько опоздает на самолет, — возразил Геша.

— Насчет самолета я договорюсь, — отмахнулся от возражений капитан. — У меня срочный звонок.

— Пленка придет в негодность, насчет непредвиденных расходов тоже договоритесь?

— Сворачивайся, тебе сказано, — отрезал капитан.

Геша подавил взрыв возмущения и вырубил все машины. Через пять минут он уже стоял у закрытых дверей лаборатории, дожидаясь возвращения капитана. «Столько работы коту под хвост! И ведь не было никакой необходимости прерывать процесс. Ну, сходил бы он в дежурку, поговорил по телефону, и что? Кому она нужна, ваша секретность? Все равно пленку из лаборатории не вынести, — мысленно возмущался

Геша. — А если и вынесешь, то через КПП точно не пройдешь, там досмотр серьезнее, чем на золотых приисках. Кисунько и то свой экземпляр рабочих схем и чертежей только в спецкейсе выносит, и охрана у него четыре человека. Все боятся, что западные державы их секреты украдут. Кто их понесет западным державам? Это у нас шпионов и перебежчиков как дорогих гостей привечают. И политическое убежище им, и советское гражданство, и пресс-конференции в Доме журналистов. А ведь кто они такие? Всего лишь мелкие сошки в Агентстве национальной безопасности, криптологи, которые только и могут, что расшифровывать добытую другими информацию. И что они по сути сказали? Да ничего, только избитые фразы и ни одного доказательства в подтверждение своих слов. И все же они стали чуть ли не национальными героями Советского Союза».

Историю криптологов Геша помнил наизусть. Она произошла десять лет назад, в далеком 1960 году, когда работа над экспериментальной системой ПРО еще только начиналась. Тогда это событие широко освещалось не только в советских газетах, но и в международных СМИ, доступ к которым Геша имел благодаря связям с «секретным» отделом сбора информации при Министерстве обороны СССР. Звучала она так: два друга, Уильям Гамильтон Мартин и Бернон

Ф. Митчелл, познакомились во время службы в ВМС США в Японии в начале 1950-х годов, и оба присоединились к АНБ в один и тот же день в 1957 году. А в 1960-м решили вместе бежать из страны.

Двадцать пятого июня 1960 года Митчелл и Мартин выехали из США в Мексику. Оттуда они отправились в Гавану, а затем на советском грузовом судне поплыли в СССР. Пятого августа Пентагон заявил, что они не вернулись из отпуска, и было сделано заявление: «Есть вероятность, что они убежали за железный занавес». Шестого сентября 1960 года Митчелл и Мартин появились на совместной пресс-конференции в Доме журналистов в Москве и заявили, что запросили убежище и советское гражданство.

Особо шокирующих заявлений Митчелл и Мартин так и не сделали, лишь сообщили о том, что и без них было известно: правительство Штатов использует недостойные методы при сборе разведывательной информации, умышленно нарушает границы воздушного пространства других государств, а также занимается перехватом и расшифровкой секретных сообщений более чем сорока государств, включая своих собственных союзников. Свои истинные цели они прикрывали тем, что якобы обеспокоены желанием США навязать миру ядерную войну, чего они, как истинные патриоты, допустить не вправе.

Красивой обертке Геша не поверил ни на секунду. Не верил ей и сейчас, спустя десять лет после происшествия, но забыть о том, что сделали Мартин и Митчелл, никак не мог. Снова и снова он прокручивал в голове это событие, примеряя его на себя. Какова истинная причина побега? Что они выиграли, став предателями Родины? В разговоре с приятелем из секретного отдела Министерства обороны Геша узнал, что Мартин и Митчелл получили от советского государства кругленькую сумму, и вот тогда он понял, почему зациклился на этом происшествии.

Когда его научный руководитель предложил примкнуть к «небывалому по своему масштабу» проекту Минобороны, Геша не раздумывал. Такие перспективы, такие возможности! Да любой на его месте руку позволил бы отсечь, лишь бы попасть в рабочую группу полигона! Творить историю наравне с великими умами, что может быть прекраснее? Но на деле все оказалось куда прозаичнее. Разочарование пришло в тот момент, когда у него обнаружили способности к систематизации и верстке материалов исследований. Чужих материалов! За четырнадцать лет сам он не принял участия ни в одном пуске, ни в одной разработке новых подходов к реализации системы ПРО. Только систематизация, ведение записей и работа с микропленками, которые утилизировались один раз в полгода, чтобы

освободить место для новых километров пленки. Никакого карьерного роста, никакой благодарности. Лишь мизерная зарплата, которая положена вспомогательному персоналу, и ненормированный рабочий день.

— Чего застыл, дубина? — окрик капитана госбезопасности вывел Гешу из задумчивости. — Спишь на ходу? Дверь открыта, приступай к работе!

Геша вошел в лабораторию, на автомате подошел к аппаратам, затем, вспомнив протокол, повернулся к капитану.

— Испорченную пленку необходимо измерить, упаковать и отправить на утилизацию, — сообщил он капитану.

— Нет времени. — Капитан недовольно поморщился. — Утилизируй сейчас.

— Но по правилам, — начал Геша, но капитан не дал ему закончить.

— Собираешься пререкаться? Я здесь правила и закон! Утилизируй и приступай к работе, — прорычал капитан.

Кипя от злости, Геша повернулся к аппаратам. «Паршивый ублюдок! Пользуется своим положением, чтобы унижить человека! — бушевал он в душе. — Заставить бы тебя на своей шкуре прочувствовать бессилие! Забить тебе в глотку все эти километры микропленки, тогда бы я посмотрел, какой ты важный!» Его рука потяну-

лась к кювете с пленкой, подлежащей утилизации, и вдруг остановилась на полпути. Мозг еще не успел отреагировать, а руки уже вытягивали из запасной кюветы пленку с черновиками ночной работы. Когда пленка оказалась в его руках, Геша уже не сомневался. Он уверенно отправил черновики в машину для утилизации, и пока та, тихо жужжа, пережевывала пленку, заправил новой пленкой второй аппарат.

— Долго еще? — ворчливо поинтересовался капитан.

— Машины запустятся через три минуты, — сообщил Геша. — Распишитесь в журнале, здесь ведутся записи по утилизации.

— Без тебя знаю. — Капитан вырвал журнал из рук Геши, быстро поставил подпись и вернул. — Постарайся не напортачить, времени у нас в обрез.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан государственной безопасности, машины отлажены и работают четко, — к Геше вернулось спокойствие. — Думаю, повторная запись пройдет быстрее.

Спустя час он достал из кюветы бобину с микропленкой, вложил ее в конверт и протянул капитану. Тот нетерпеливо сунул ее в карман, взглянул на часы и произнес:

— Уложились. Отключай машины, мне пора на выход.

ОТВЕТНЫЙ ПРИЕМ

— Сначала нужно стереть записи из памяти аппаратов, — заявил Геша. — Таков протокол.

— Снова ты про протоколы? — ворчливо проговорил капитан. — Сколько времени это займет?

— Около десяти минут, может, чуть больше, — ответил Геша.

— Черт, у меня нет столько времени. — Капитан беспокойно взглянул на дверь. — Товарищ Кисунько ждет на автостоянке.

— Не стирать записи категорически запрещено, — пожал плечами Геша, — но если вы настаиваете...

— Нет, делай то, что должен, — заявил капитан. — Дежурный по этажу будет присутствовать вместо меня. Как закончите, закройте двери и ждите снаружи.

— Как скажете, товарищ капитан государственной безопасности.

— Приступай, чего ждешь?

Геша начал последовательно нажимать нужные кнопки, а капитан открыл дверь и выглянул в коридор. Дежурного по этажу у двери не оказалось.

— Где его черти носят? Говорил же, никуда не отлучаться. Ладно, запускай свою машину, я приведу дежурного.

Капитан дождался, пока Геша запустит систему удаления информации, и вышел из комна-

ты. В то же мгновение Геша метнулся к кювете первого аппарата, извлек из нее пленку, которую записывал до перерыва, стянул ботинок и сунул пленку в каблук под стельку. Когда в лабораторию вошел дежурный по этажу, Геша сидел на стуле за пультом управления и дожидался окончания работы машин. Через десять минут звуковой сигнал оповестил о завершении процесса работы, Геша отключил аппараты от электросети и вышел из лаборатории.

* * *

Москва, апрель 1971 года, Комитет государственной безопасности, кабинет старшего помощника начальника нелегальной разведки ПГУ, начальника спецотдела, полковника Старцева

В кабинете начальника спецотдела Управления «С» всюду кипела работа. Строители в самодельных панاماх из газеты, в хлопчатобумажных майках и трикотажных спортивных штанах таскали мебель из кабинета в приемную. Тумбочки, столы, стулья и даже солидный трехстворчатый шкаф, особая гордость полковника, за считанные минуты были разобраны на части, упакованы в коричневую бумагу, какой обычно пользуются в продуктовых магазинах, и сложены штабелями вдоль стен в узком предбаннике кабинета.

Вместо мебели в кабинете выросли строительные козлы, для большего удобства расположенные сразу вдоль двух стен. Высокие стремянки расставлены по углам, ведра с краской и побелкой, стоявшие ровным рядком все на тех же старых газетах, дожидались своего часа. Потолок уже претерпел изменения: бригада из трех человек сняла все потолочные светильники и сняла практически весь слой побелки, который из года в год «освежали» специалисты косметического ремонта.

А в коридоре жизнь управления шла своим чередом: начальники отделов, их подчиненные, секретари и помощники сновали по коридору вперед-назад, разнося «важные» папки, делегируя свои полномочия другим подразделениям, спеша на длительные совещания и «летучки». Закрытая дверь кабинета полковника Старцева ничем не отличалась от целого ряда точно таких же дверей, но только до тех пор, пока какой-нибудь «везунчик» не надумает посмотреть, что же за ней скрывается.

Подполковник Богданов везунчиком себя не считал, по крайней мере, не в том понимании этого слова. Но в дверь кабинета ему заглянуть все же пришлось, поскольку в восемь утра ему позвонил помощник-секретарь полковника Старцева Николай Орлов и официальным тоном проговорил в трубку:

— Здравия желаю, товарищ подполковник. Старший лейтенант Орлов на проводе. Звоню вам по поручению товарища полковника. Вам приказано срочно явиться в управление на экстренное совещание с товарищем полковником.

В старшие лейтенанты Орлова произвели больше года назад, но ему так нравилось козырять своим повышением, что он просто не мог удержаться и не вставить в разговор свои «титулы». Богданов об этом знал и иногда, в силу более высокого положения и звания, позволял себе добродушно подтрунивать над помощником полковника. Вот и сегодня он не сдержался. Услышав официальное «старший лейтенант», Богданов тут же решил пошутить.

— Доклад не принимается, — сухо произнес Богданов в трубку, как только Орлов закончил говорить.

— Не понял, — растерялся Орлов. — Разве так можно?

— Что значит «можно»? Доклад выполнен не по форме, — продолжал Богданов. — По уставу офицер среднего и высшего военного звена имеет право проигнорировать приказ, если он отдан с нарушением формы.

— С нарушением формы? Но что я нарушил? — Орлов растерялся еще больше.

— Думай, Орлов, ты же как-никак офицер! Ну или сходи к полковнику Старцеву и попроси,

чтобы он тебя научил правилам передачи срочных приказов.

— Товарищ подполковник! Вы же знаете, не могу я к товарищу полковнику с таким вопросом пойти, он ведь начальник! К тому же аттестация на носу. Что будет, если этот вопрос входит в число аттестационных, а я сам сообщу ему, что ответа на него не знаю? Да он тогда вообще меня до аттестации не допустит.

— Что ж, не желаешь просить помощи, тогда придется сказать, что ты его задание провалил, приказ мне не передал. — Богданов едва сдерживался, чтобы не рассмеяться в трубку, а до Орлова все не доходило, что его разыгрывают.

— Товарищ подполковник! Ну скажите, что не так? Какую форму я нарушил? — с мольбой повторил Орлов.

— Представляешься не по уставу, — завершая розыгрыш, заявил Богданов. — Такого великого полководца следует величать Господин Великий Старший Лейтенант. Иначе капитана тебе не видать!

— Товарищ подполковник! — возмущенно проговорил Орлов. — Я к вам с серьезным поручением, а вы шутики шутите!

— Прости, Коля, слишком велик соблазн пошутить. — Богданов дал волю смеху. — Не кичился бы ты своим званием, глядишь, и люди тебя поддевать не стали бы.

— Приказ я передал, а там вы сами думайте, — огрызнулся Орлов и положил трубку.

На этот раз шутка Орлова рассердила, и, видимо, поэтому он не сказал подполковнику Богданову о том, что в кабинете полковника Старцева идет ремонт. И вот подполковник, открыв дверь и поглазев несколько минут на расторопных рабочих, закрыл дверь и задумался. Если кабинет Старцева занят, тогда где же он сам и где собирается его принимать? Богданов прошелся по коридору, заглядывая за закрытые и открытые двери. Ни Старцева, ни Орлова нигде не увидел и решил спуститься вниз, чтобы у дежурного узнать, в какой кабинет перевели начальника спецотдела нелегальной разведки.

Оказалось, Старцева временно перекинули в соседний корпус, так что пришлось Богданову выходить через центральный вестибюль на улицу, огибать здание и подниматься на третий этаж, прежде чем услышать голос своего начальника. Полковник Старцев встретил Богданова радушно.

— Проходи, Слава, располагайся. Почаевничать не получится, во временном помещении удобств меньше, но сок и пирожные предложу. — Старцев жестом указал на единственный незанятый стул в тесном кабинете.

— Пирожные? Не откажусь, Николай Викторович, — переняв неофициальный тон ко-

мандира, произнес Богданов. — Из-за раннего звонка позавтракать не успел. Елена вчера в театр водила, потом на набережную зазвала, так что спать легли почти под утро, соответственно, и для завтрака ничего не приготовили.

— Не жалуйся, подполковник, все знают, что твоя жена тебя из дома голодным не выпускает. — Старцев засмеялся, вспомнив, как поначалу после женитьбы Богданов сам всем хвастался тем, что у него внимательная и заботливая жена.

— Я не жалуясь, просто констатирую факт, — улыбнулся Богданов. — Или вы передумали пирожными угощать?

— За твоей спиной тумбочка, на верхней полке найдешь сок и пирожные, — ответил Старцев. — Доставай и угощайся. Поедим, а заодно и дела обсудим.

— Так, значит, все-таки дело. — Богданов вздохнул. — Обещали ведь две недели отдыха дать после последнего задания.

— Так вам и дали, Слава, разве нет?

— Четыре дня всего прошло, — напомнил Богданов. — Я сыну обещал в выходные на соревнования прийти. Теперь снова получится, что слово не сдержал.

— Незачем обещать, если не уверен. Знаешь ведь, какая у нас работа, — напомнил Старцев и чуть смягчил тон. — Не расстраивайся, Сла-

ва, тут уж ничего не поделаешь. Откладывать решение этого вопроса нельзя. Когда ты выслушаешь, в чем суть задания, сам поймешь, что оно важнее соревнований сына.

— Рассказывайте. — Богданов выставил на стол коробку с пирожными. — Ого, тут как в кондитерской! Выбирай что душе угодно.

В коробке и правда лежали практически все виды пирожных из ближайшей кондитерской: витые «трубочки», солидные «корзиночки», скромные пирожные «картошка» и «заварное» с белой и шоколадной поливкой. У Богданова глаза разбежались от такого изобилия. Подумав, он достал из коробки «заварное» с белой поливкой, откусил кусок и от удовольствия закрыл глаза.

— Что, вкусно? — Старцев улыбался. — Это тебе не овсянка.

— Да уж, не овсянка, — согласился Богданов. — Я лет до десяти мечтал, чтобы мне на завтрак разрешали есть пирожные. Не думал, что детская мечта сбудется таким странным образом.

— Ты служишь в удивительной организации, Слава, здесь и не такое случается, — пошутил Старцев.

Пока Богданов дожевывал угощение, полковник Старцев вел разговор на отвлеченные темы, но, как только подполковник сделал последний глоток сока, разговор перешел в серьезное русло.

— Скажи, Слава, тебе знакома аббревиатура ГНИИП?

— Государственный научно-исследовательский институт приборостроения, — без запинки ответил Богданов.

— Хорошая попытка, но нет. В нашем случае за этой аббревиатурой скрывается государственный научно-исследовательский испытательный полигон.

— Точно! Слышал о нем: глобальное строительство в степях Казахстана, работы велись с 1956 года, уникальная экспериментальная система ПРО, над которой работают десятки ученых, штатских и военных, прорыв в противоракетной защите страны, — выдал Богданов. — Так что, на полигоне проблемы?

— Скорее, у полигона, — ответил Старцев. — Но давай по порядку. Ты знаешь, что в успехе противоракетной системы защиты лично заинтересован министр обороны СССР маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко? Вся работа, и военных, и ученых, находится в подчинении 4-го Главного управления МО СССР. Считается, что у них достаточно навыков, чтобы поддерживать секретность объекта на высоком уровне, но, как оказалось, недостаточно, чтобы отфильтровать потенциально ненадежных сотрудников.

— Что значит: ненадежных?

— Тех, чье психологическое состояние останется стабильным после многолетнего давления.

— Все равно не понимаю, — признался Богданов. — Что произошло на полигоне?

— Мне кажется, мы забегаем вперед. Пожалуйста, будет лучше, если я начну сначала. И лучше это сделать с освещения текущей ситуации. На данном этапе работа по разработке системы ПРО для защиты столицы подходит к завершающему этапу. Уже достоверно известно, что созданная на полигоне система «А» экспериментально подтвердила принципиальную возможность осуществления перехвата баллистических целей. Возможность уничтожения одного снаряда другим в воздушном пространстве больше не является утопической мечтой — это подтвержденный факт. В верхах планируют принять систему ПРО на вооружение уже в июне этого года, а в сентябре официально поставить на боевое дежурство. На самом деле постановление Совета министров СССР о принятии системы на вооружение готово, осталось только подписать. Но теперь планы министерства могут сорваться, потому что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Наконец-то добрались до главного. — Богданов облегченно вздохнул. — Признаться честно, тонкости политики властей меня не слишком привлекают.

— Тогда слушай то, что тебя наверняка заинтересует. — Старцев подвинул к себе папку с грифом «секретно». — Здесь вся информация, но для экономии времени я изложу суть, а с деталями ты сможешь ознакомиться позже. В ПГУ КГБ СССР поступил сигнал от агента-нелегала, действующего на территории США, а именно в Вашингтоне. Одной из задач агента является наблюдение за определенными лицами из службы АНБ, которые служат в управлении научных исследований и техники. Это управление занято разнообразными научно-техническими исследованиями в области перехвата радиосигналов, дешифровки и защиты линий связи, начиная с математических методов и заканчивая разработкой новых технологических процессов и оборудования. Состоит управление из четырех отделов, но сейчас нас интересует только один: отдел математических исследований и криптоанализа.

— Сотрудники полигона оформляют информацию о достижениях в области разработки системы ПРО с помощью криптографии? — не сдержал удивления Богданов.

— Нет, свои наработки они оформляют в виде записей на микро пленке, которые передают выше по инстанциям.

— Тогда при чем здесь математические исследования и сотрудники АНБ?

— Два дня назад у сотрудника отдела математических исследований АНБ Джейсона Тейлора произошла встреча с бывшим сотрудником испытательного полигона № 10 Геннадием Хустовым.

— Бывшим?

— Да, Геннадий Хустов работал на полигоне с первого дня его существования. Он был рекомендован на эту работу научным сотрудником, занимающим довольно высокое положение в профессорской иерархии. Хустов занимался систематизацией всех наработок в области разработки системы ПРО «А». В его обязанности входило формирование микропленок перед отправкой материалов в Москву. В июне прошлого года Хустов исчез с территории полигона, и до сегодняшнего дня никто не знал, где он.

— Исчез? Сбежал? И что, его никто не искал? Его исчезновение не показалось странным?

— Не забегай вперед, Слава, проявляй терпение. — Старцев осуждающе покачал головой. — Вот то, что знаю я: Хустов отработал смену, прошел досмотр перед выходом из засекреченной зоны и на служебном автобусе отправился в зону проживания, расположенную на территории административного центра полигона и построенную специально для тех, кто задействован в испытаниях системы ПРО. До-

бравшись до административного центра, он покинул автобус, зашел в местный магазин, где поболтал с продавщицей и приобрел бутылку водки. Да, Слава, ученые тоже люди, и им иногда хочется расслабиться, так что на территории исследовательского городка есть магазины с разнообразными товарами широкого потребления, в том числе водкой.

— Ничего не имею против ученых и их способности расслабляться теми же способами, что и простые смертные, — сказал Богданов. — Так что было дальше?

— В разговоре с продавщицей Хустов упомянул, что планирует потратить внезапно свалившиеся на голову выходные для отдыха на природе. Он, мол, любитель рыбалки, а за десять лет работы в Казахстане ни разу не был на Балхаше. Сказал, что пришло время посидеть с удочкой в каком-то тихом месте и отдохнуть от суеты. Больше его никто не видел.

— Он не вышел на работу после окончания выходных, и все решили, что он утонул в Балхаше, упившись водкой, — догадался Богданов.

— Примерно так все и было. О его отсутствии узнали только через три дня. Прошли два выходных и один рабочий день. Искать начали только к вечеру третьего дня. Приехали на квартиру, но его там не оказалось. Все вещи оставались на месте, кроме рыболовных снастей и

удочек. О сборах на рыбалку напоминала лишь кастрюля с остатками перловой каши для прикормки рыбы да куски использованной рыболовной лески, смотанной пучками на кухонном столе. После этого сотрудники полигона обратились в милицию. Милиционеры организовали поиски на Балхаше, но свидетелей, которые видели Хустова на озере, не нашли, и следов его пребывания тоже. В итоге Хустова признали пропавшим без вести, предположительно погибшим. На всякий случай данные на Хустова разослали по всем областям и на этом успокоились.

— Все, но не госбезопасность, — вместо Старцева закончил Богданов.

— Верно. В КГБ не так легко верят в случайное утопление, если утонувший человек держал в руках секретные материалы с разработками уникальной системы противоракетной обороны, — подтвердил догадку подполковника Старцев. — Комитет госбезопасности провел свое независимое расследование и выяснил, что в последний день работы Хустов готовил материалы для профессора Кисунько и его доклада в Министерстве обороны СССР.

— Материалы были похищены?

— Подтверждения тому нет, есть лишь предположение. Мы считаем, что Хустов каким-то образом сумел изготовить два экземпляра микропленки с последними данными по системе

ПРО и вынести пленку за пределы секретной зоны. Затем он инсценировал поездку на рыбалку, а сам перешел границу и покинул территорию СССР.

— Но как ему это удалось? Думаете, Хустов длительное время планировал побег и только ждал подходящего момента?

— Этого мы утверждать не можем, так как не знаем, как и где он пересек границу. Мы не знаем, почему он оказался в Вашингтоне и почему связался именно с Тейлором, ведь должность Тейлора предполагает крайнюю секретность, он не кричит на каждом углу, что работает на АНБ, не вывешивает объявления в газете о том, что принимает перебежчиков. Черт, он даже оборонкой не занимается! И все же факт остается фактом: Хустов объявился в Вашингтоне, связался с Тейлором и, как предполагает наш агент, собирается передать ему материалы о системе ПРО, как только эти двое договорятся о цене.

— Итак, мы летим в Вашингтон, — подвел итог Богданов.

— Да, Слава, начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский принял решение отправить в Вашингтон спецподразделение из управления «С» для предотвращения утечки информации. Мы с генерал-майором Лазаревым решили, что лучше всего для выполнения задания подходит твоя группа.

Генерал-майор Лазарев служил начальником управления «С» и являлся заместителем начальника ПГУ, поэтому оспаривать его решения у сотрудников управления было не принято, и все же Богданов попытался возразить.

— Анатолий Иванович знает, что наша группа все еще в недокомплекте? Николай Викторович? — осторожно начал он.

— Это не столь важно, Слава, для этого задания людей у тебя хватает, — ответил Старцев.

— И все же хочется уточнить: знает ли товарищ генерал-майор, как в нашей группе обстоят дела с личным составом?

— Ты думаешь, заместитель начальника Первого Главного управления КГБ СССР не с должным вниманием относится к выполнению своих обязанностей? — повысив голос, проговорил Старцев. — Считаешь, принимая решения подобного уровня, он не посчитал нужным изучить все стороны вопроса?

— Ни в коем случае, товарищ полковник, только эта проблема длится уже не один год, и вы это знаете, — отступить Богданов не собирался. — У нас недокомплект. Большую часть времени мы работаем в усеченном составе.

— Вам систематически дают новых людей, подполковник, — напомнил Старцев.

— Дают, а потом снова забирают. Зачем вы отдали Солодовникова и Кульпу? Отличные бы-

ли ребята, лучше и не пожелаешь. И сработались мы отлично, и операции с их участием проходили идеально.

— Солодовников и Кульпа — советские офицеры, они не конфеты, которыми можно делиться, а можно в кармане припрятать. — Старцев сердито сверкнул глазами. — Сейчас они там, где могут принести максимальную пользу. И ты это знаешь, Богданов.

— Знаю, товарищ полковник, только обидно. Что мы можем вчетвером?

— Растить новые кадры, Слава, не отказывайся от новичков только потому, что они пару раз напортачили.

— Пару раз? Вспомните Вашпилова! Он с первого дня не вписывался в нашу работу. Удивляюсь, как он вообще в Школу КГБ попал. Полный ноль, да еще с амбициями. Из-за него чуть не погиб Саша Дубко. И таких вы предлагаете учить и растить?

— Ладно, не впадай в крайности, Слава. Татарников, например, был неплох.

— Да, но на первом же задании его ранили, помните? Ранение вызвало осложнения, и теперь он в инвалидном кресле.

— Чего ты от меня хочешь, Слава? Решение принято, приказ отдан: спецподразделение «Дон» направляется в Вашингтон на поиски Геннадия Хустова с целью предотвращения

утечки информации. Собирай парней, вылетаете сегодня в восемнадцать ноль-ноль.

— Как добираемся?

— Из Москвы летите в Германию, из Германии во Францию и только оттуда в США. Необходимо сохранять максимальную секретность. Нам неизвестно, почему перебежчик установил связь с АНБ, поэтому мы не можем быть уверены, что до этого он уже не побывал в ЦРУ, ФБР или других организациях, отвечающих за безопасность США.

— Легенды готовы?

— Будут готовы к вечеру. Конверты с необходимыми материалами получите за час до вылета в Германию. На этот раз сбор не на базе, а в гостинице «Москва». Там для вас забронирован номер люкс, в котором проводят встречи дипломаты, так что безопасность в нем на высшем уровне. Можете обсуждать любые вопросы, не беспокоясь о прослушке.

— В Вашингтоне у нас будет связь с Центром?

— Да, связь будете держать через агента Смита. В данный момент он продолжает наблюдение за Тейлором и Хустовым. Он введет вас в курс дела, поможет устроиться, снабдит транспортом и деньгами.

— Оружием?

— Сложный вопрос, но мы над ним работаем. Надеюсь, в первые дни вашего пребывания в Вашингтоне оружие вам не понадобится.

ОТВЕТНЫЙ ПРИЕМ

— Я тоже надеюсь, что нам не придется противостоять четырем армиям: военным, федералам, агентам ЦРУ и АНБ.

— Не сгущай краски, Слава. Преследование сразу всеми службами вам точно не грозит. А теперь иди к своим ребятам. Настрой их как положено.

— Четыре мушкетера? — пошутил Богданов.

— Точно! Четыре мушкетера. Ты знаешь, Слава, если бы была возможность, я с радостью расширил бы состав группы до десятка мушкетеров, но в данный момент это невозможно, так что справляйтесь сами.

— Есть справляться самим, — отчеканил Богданов и поднялся со стула. — Разрешите идти?

— Иди, Слава, и помни: Родина в вас верит! Защитить информацию о системе противоракетной обороны Москвы — долг каждого из нас. Сегодня честь выполнить свой долг выпала вам.

Старцев вышел из-за стола и сделал то, чего не делал ни разу за несколько десятков лет совместной службы: он обошел стол и, игнорируя протянутую для рукопожатия руку, крепко обнял Богданова. Подполковник смущенно ответил на объятия, затем коротко кивнул и вышел из кабинета.

ГЛАВА 2

К гостинице «Москва», расположенной на Манежной площади, бойцы спецподразделения «Дон» подъехали с интервалом не более пяти минут. Первым у величественного здания, ради строительства которого в тридцатые годы по распоряжению правительства снесли целый квартал исторической застройки Охотных рядов, появился Коля Дорохин. В спортивной куртке нелепого ядовито-зеленого цвета, в резиновых сапогах и с огромной сумкой за плечами, в толпе празднующихся туристов он выглядел как бельмо на глазу. Мужчины в деловых костюмах и начищенных кожаных ботинках поглядывали на Дорохина с недоумением. Дамы в элегантных пальто, легких полусапожках на каблуках, с модными сумочками на плечах старались обойти его стороной. Портъё едва сдерживался, чтобы не объявить неуместно одетому человеку, что отдыхать на ступенях гостиницы запрещено городскими властями. И только самого Дорохина ни его внешний вид, ни косые взгляды окружающих ничуть не смущали.

Следующим подтянулся майор Дубко. В отличие от Дорохина майор выглядел так, как и подобает офицеру госбезопасности: строго, неброско и в то же время представительно. Такой вид внушал уважение и даже некоторый трепет, по крайней мере, так считали аналитики из управления КГБ СССР. Майор пришел налегке, спортивная сумка через плечо на вид выглядела почти пустой.

— Здорово, Колянныч, ты откуда такой... зеленый? — оглядев товарища с ног до головы, поддел Дубко.

— Смешно тебе, майор? Ладно, повеселись, я не против. — Дорохин и сам улыбнулся. — Звонок командира застал меня в наисчастливейшем месте на Земле! Я один на один с природой, вокруг ни души, винтовка за плечом, и тут...

— И в каком же дупле твоего наисчастливейшего места установлен телефон, который испортил тебе всю малину? — Дубко улыбнулся.

— Телефона там никакого не было, товарищ майор, иначе мой правдивый рассказ превратился бы в фантастическую историю, где герои достают из кармана коробочку размером с ладонь, нажимают на ней кнопки и начинают болтать со свояком, который сидит где-нибудь в Норильске и попивает чай на своей кухне. На самом деле меня подвела моя же предусмотрительность. Прежде чем идти в лес, я предупредил хо-

зяина избушки, в которой остановился, что мне может поступить важный звонок, узнать о котором я должен немедленно. Звонок поступил, и хозяин избушки прислал за мной своего старшего сына.

— Коробочка размером с ладонь, которая может связать тебя с любой точкой на Земле? Здорово придумано, жаль, что в реальной жизни такого не бывает. — Дубко с мечтательным видом вздохнул. — Представляешь, как упростилась бы наша жизнь?

— Ничего, майор, будет и такое. Раньше вон и лампочка электрическая фантастикой казалась, а теперь посмотри вокруг, кругом электричество на людей работает.

В этот момент к ступеням гостиницы подошел прапорщик Казанец. Услышав окончание фразы, он похлопал Дорохина по плечу и произнес:

— Толкаешь бравурную речь в адрес нашего заботливого правительства? Здорово! Не забудь про газификацию и водоснабжение. Ведь прямо в квартиры вода идет, разве не фантастика? А когда-то воду ведрами из реки таскали.

— Здорово, Юрок! — поздоровался Дорохин. — Спросить хотел: тебя мама не учила, что встречать в чужие разговоры — дурной тон?

— Привет, Юра, — поздоровался и Дубко. — Зацени, наш Коля при параде!

— Я уже обратил внимание. Красивая куртка. И лицо так освежает, — подколов Казанец. — Выменял бы на свой пиджак, да вот задача, дома его оставил. Может, поверишь мне на слово, Колян? Дашь куртку погонять?

— Да идите вы, — беззлобно огрызнулся Дорохин. — У меня в сумке все что нужно для переоблачения. Говорю же, торопился, не хотел время на переодевание тратить. Нет бы похвалить человека за заботу. Стояли бы здесь полдня, меня дожидались.

— Я хвалю, Коля, — к группе бойцов подошел подполковник Богданов.

— Вот! Хоть один нормальный человек в группе, — обрадовался Дорохин.

— Но одежду все же придется сменить. Лягушатник в мои планы не входил, — не удержался, чтобы не поддеть, Богданов.

Казанец и Дубко дружно рассмеялись, Дорохин нахмурил брови, но и его шутка командира заставила рассмеяться.

— Не можете без подколов, да, командир?

— Без них жить скучно. — Богданов указал на дверь гостиницы. — Пойдемте, парни, времени у нас не так много, скоро в аэропорт ехать.

Они вошли в вестибюль гостиницы, Богданов прошел к стойке регистрации и обратился к миловидной девушке:

— Здравствуйте! У нас забронирован номер на четверых.

— Фамилия? — механическим голосом поинтересовалась девушка-регистратор.

— Богданов Вячеслав Антонович.

— Давайте паспорт, — потребовала девушка.

Богданов достал паспорт, развернул на первой странице, показал девушке. Та лениво сверила данные, сделала запись в журнале, после чего заставила Богданова поставить подпись и выдала ключи.

— Номер четыреста четыре. Поднимаетесь на лифте до четвертого этажа, дальше налево третий номер.

Как только Богданов взял ключи, девушка потеряла к нему интерес и вернулась к изучению какого-то модного журнала. Богданов подхватил сумку, подал знак остальным и двинулся к лифту. Номер на четвертом этаже нашли сразу, открыли ключом дверь и вошли внутрь.

— Ну и обслуживание, — войдя в номер, проворчал Дубко. — Даже не проветрили.

— Не нуди, Саша, может, их поздно предупредили, — заступился за сотрудников гостиницы Богданов. — Бросайте вещи, и за стол, введу вас в курс дела.

За десять минут Богданов в общих чертах обрисовал задачу, после чего ему стали задавать вопросы.

— Этот агент Смит, насколько ему можно доверять? — задал вопрос майор Дубко.

— Старцев сказал, что у него длинный послужной список. Вроде бы работал под руководством самого Дроздова, и тот о нем очень хорошо отзывался. Думаю, таких рекомендаций достаточно, чтобы не сомневаться в компетентности агента Смита, Саша.

— Спорить не стану, командир.

Юрия Дроздова сотрудники управления считали живой легендой. Заместителем начальника нелегалов его поставили в 1968 году, и с тех пор по подразделениям и отделам ПГУ ходили разнообразные слухи о достижениях легендарного советского разведчика, который в 1962 году успешно провел операцию по обмену американского летчика Пауэрса на разведчика-нелегала Рудольфа Абея. Говорили, что во время многомесячных переговоров Юрий Дроздов, в совершенстве владеющий немецким языком, играл роль немецкого кузена Абея, и многие официальные лица, даже посвященные в суть переговоров, действительно верили в легенду о немецком дяде.

Уже через полгода пребывания Дроздова в роли заместителя начальника управления «С» почти все агенты-нелегалы мечтали о том, чтобы хоть раз принять участие в выполнении операции, разработанной «самим Дроздовым». Не-

удивительно, что слова подполковника Богданова о высокой оценке Дроздовым агента Смита бойцы группы «Дон» восприняли положительно, и больше кандидатура агента ни у кого сомнений не вызывала.

— Он будет встречать нас в Вашингтоне? — задал новый вопрос Дорохин.

— Пока неизвестно, каким образом будет установлена связь со Смитом. Для нас разрабатывают легенды, которые подошли бы для каждого этапа задания, включая переброску. Из Москвы мы летим в Германию, из Германии во Францию, а потом в США.

— Почему мы не можем лететь напрямую в США? Насколько я знаю, с этого года «Аэрофлот» открыл новые маршруты полетов. Москва — Амстердам — Нью-Йорк, например. Я в газете «Известия» читал, — объявил Казанец.

— Потому что мы не на экскурсию в Америку собираемся, Юра. В управлении настаивают на совершенной секретности. Они опасаются, что перебежчик Хустов мог установить связь не только с агентом АНБ, но и с ЦРУ и ФБР. Если опасения небеспочвенны, все рейсы из Советского Союза в Америку уже отслеживаются всеми возможными организациями, отвечающими за безопасность США. Американцы ни за что не упустят такой шикарной возможности — заполнить информацию особой секретности, каса-

ющуюся оборонки. Для нас это означает, что, как только Хустов попадет в руки американских спецслужб, они его уже не выпустят.

— Значит, в Германию мы попадаем советскими гражданами, там становимся кем-то иным и во Францию прибываем по легендам, никакого отношения к СССР не имеющих? — уточнил Дубко.

— Думаю, да. Из Германии уже полетим по легендам.

— В каком смысле «думаю»? Ты не знаешь, что это за легенды, Слава?

— Они еще не готовы. Говорю же, все случилось очень быстро, в верхах успели только обсудить возможные варианты развития событий и принять решение послать нашу группу для получения более точной информации.

— Но почему АНБ? — вопрос, который беспокоил всех бойцов, задал Коля Дорохин. — Почему он обратился в АНБ, да еще к сотруднику какого-то там исследовательского отдела?

— Этого никто не знает. Агент Смит ведет наблюдение за сотрудниками управления научных исследований и техники в структуре АНБ, такова его задача на данный момент. Хустова он увидел случайно, в процессе слежки за управлением. Он узнал Хустова по ориентировке, которую в прошлом году получили все агенты-нелегалы, работающие как за рубежом, так и в СССР...

— Точно, командир, — перебил Казанец подполковника. — Нам тоже пересылали эту ориентировку, и я хорошо ее помню. Русский мужчина, возраст пятьдесят три, на вид около пятидесяти — пятидесяти пяти, светлые волосы, крючковатый нос, на лбу залысины, но стрижку носит удлиненную, рост сто семьдесят пять, вес около восьмидесяти килограммов, небольшой перебор с едой, поэтому обозначился животик. Иногда, когда устанет, прихрамывает на левую ногу, следствие детской травмы. Кажется, упал с велосипеда. Во время учебы в институте работал с профессором Чуйковым, шесть лет из десяти учебы занимался исследовательской деятельностью, благодаря чему и попал в проект по разработке системы ПРО. Чуйков выдернул его из Челябинского исследовательского института, куда Хустов уехал после окончания обучения в Москве.

— Мы все это знаем, Юра, — напомнил Дубко. — Незачем повторяться.

— А я думаю, что стоило бы подумать над тем, что подвигло Хустова на такой нелепый шаг, — возразил Казанец. — Он ведь не уголовник какой-то, не нездоровый элемент с сомнительным прошлым. Он ученый, пусть не с мировым именем, но занимающийся важным делом.

— Возможно, то, чем он занимался в Казахстане, не удовлетворяло его амбиций, — пожал плечами Дубко.